

АЛЕКСАНДР ХАРОНОВ

ПРОЕКТ ХРИСТА

Он не планировал
создавать религию.
Но судьба вела его.

ЧЕРНОВИК
ПО ГЛАВАМ

Александр Харонов

Проект Христа

«Автор»

2026

Харонов А.

Проект Христа / А. Харонов — «Автор», 2026

Что, если история Иисуса была совсем не такой, какой мы привыкли её представлять? Странник, ищущий смысл жизни, возвращается на родину после долгих лет скитаний. Он не собирается создавать новую веру, не мечтает о власти и не считает себя избранным. Но вокруг него постепенно собираются люди — рыбаки, сборщик податей, бывший разбойник, мечтатели и неудачники. Вместе они отправляются в путь, который навсегда изменит историю. «Проект Христа» — художественное переосмысление рождения легенды, история человека, чьи идеи оказались сильнее его самого.

© Харонов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Харонов

Проект Христа

ПРОЛОГ

Сначала был звук. Не взрыв. Не выстрел. Звук, похожий на то, будто небо разорвали пополам. Потом пришла тишина.

Я открыл глаза и увидел над собой серое небо. Оно качалось из стороны в сторону. Где-то рядом кричали люди. Кто-то звал медика. Кто-то молился. Кто-то просто орал от боли.

Я попытался подняться, но тело не слушалось. Лицо было мокрым. Кровь. Не моя или моя — я тогда не понял. Надо мной склонился человек в каске.

— Живой! Этот живой!

Меня куда-то потащили. Потом все исчезло.

Следующее, что я помню, — белый потолок. Я лежал на койке. Пахло лекарствами и чем-то горелым. Рядом сидела медсестра.

— Очнулся, — сказала она кому-то за дверью.

Через минуту появился врач. Он посветил мне в глаза фонариком.

— Как себя чувствуешь?

Я долго смотрел на него. Потом спросил:

— Сколько меня не было?

— Почти две недели.

Я кивнул. Две недели. Странно. Мне показалось, прошло больше тридцати лет. Врач усмехнулся.

— Такое бывает после тяжелой контузии.

Я посмотрел на свои руки. Они были моими. Но одновременно чужими. Будто я только что вернулся откуда-то очень издалека.

— Доктор...

— Да?

Я помолчал.

— Я знаю, кем был. Там

Он переглянулся с медсестрой.

— И кем же?

— Христом.

В палате стало тихо. Настолько тихо, что я услышал писк монитора у соседней кровати.

Врач вздохнул.

— Ну конечно.

— Нет. Вы не понимаете.

— Отдыхайте.

— Я прожил всю его жизнь.

Он уже собирался уходить.

— От рождения до смерти.

Врач остановился.

— Сон?

— Нет.

— Галлюцинация?

— Нет.

— Тогда что?

Я посмотрел в окно. За стеклом шел дождь. Такой же дождь я видел много лет назад. Или две тысячи лет назад. Теперь уже трудно сказать.

— Я не знаю, — ответил я. — Но я помню все.

Врач покачал головой.

— Запомните одну вещь. После травм люди иногда видят удивительные вещи.

— Возможно.

— И обычно они проходят.

Я улыбнулся.

— Боюсь, доктор, это не пройдет.

— Почему?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Потому что я до сих пор помню, как меня прибивали к кресту.

Он ничего не ответил. Просто вышел из палаты. А я остался лежать и смотреть в потолок. Мне никто не верил. Честно говоря, я и сам себе не верил. Но история никуда не исчезала. Она ждала. И если вы готовы слушать, я расскажу ее с самого начала. Не как бог. Не как святой. Не как чудотворец.

А как человек, которого однажды звали Иешуа.

К реке я пришел под вечер. Люблю это время. Днем люди заняты делами и разговорами. Ночью заняты сном. А вечером будто ненадолго вспоминают, что живут. Солнце уже касалось горизонта.

Я искал уединенное место, чтобы побыть наедине с закатом и со своими мыслями, но берег был буквально оккупирован множеством рыбаков. По-видимому, день был не особо удачный для ловли рыбы, так как несмотря на спускавшиеся сумерки, они не расходились, видимо надеясь, что хоть к концу дня, но что-то поймается...

Вздыхнув, я выбрал место посвободнее, где было поменьше людей и сел на камень. Рядом сидел молодой рыбак и распутывал сеть. По его лицу было видно, что день выдался не то, что неудачным, но просто отвратительным.

Я сел неподалеку.

Некоторое время мы молчали.

— Если пришел порыбачить, то выбрал плохой день, — наконец сказал он.

— Почему?

— Потому что сегодня река решила оставить меня без ужина.

— Тогда это плохой день для тебя. А я тут ради заката, и думаю, что закат тут ни при чем.

Он посмотрел на меня так, будто не мог решить, смеяться или послать меня подальше.

Вместо ответа, он фыркнул. Несколько минут мы снова молчали. Я смотрел на воду. Он возился с сетью.

— Ты рыбак? — спросил я.

— Нет. Просто люблю целыми днями сидеть в лодке для развлечения.

— Значит, рыбак.

— Да.

— И давно?

— Кажется, что всю жизнь.

Я покачал головой.

— Всю жизнь — это слишком громко сказано.

— Что?

— Тебе сколько лет?

— Не знаю точно. Ну, допустим, двадцать. Может чуть больше.

— Тогда ты прожил меньше трети своей жизни и уже говоришь "всю жизнь".

Он нахмурился.

— А что мне еще делать? Отец рыбак. Его отец был рыбаком. Я тоже рыбак.

— Значит, твой путь уже определен?

— Нет.

Он сказал это так поспешно, что я улыбнулся.

— Нет?

— Конечно нет. Я еще молодой.

Он бросил сеть на землю.

— У меня впереди полно времени. Кто знает, что будет через десять или двадцать лет? Может, я стану богатым. Может, открою свое дело. Может, вообще уеду отсюда.

Я посмотрел на него.

— А ты уверен, что у тебя впереди полно времени?

Он замолчал.

— Что за вопрос?

— Самый обычный.

— Конечно уверен.

— Почему?

— Потому что...

Он осекся.

— Потому что что?

Ответа не было. Мы оба это понимали. Наконец он пожал плечами.

— Потому что я молодой.

— Молодость не обещание.

Он нахмурился еще сильнее.

— А ты я смотрю умеешь поддержать.

— Нет.

— Заметно.

Я рассмеялся. Он пытался злиться, но получалось плохо.

— Послушай, как там тебя зовут?

— Андрей.

— Очень приятно, меня Иешуа звать. Так вот, послушай Андрей. Молодые люди, вроде тебя, любят говорить: "У меня еще вся жизнь впереди".

— И что?

— Обычно это говорят те, кто собирается начать жить завтра.

Он отвел взгляд. Попал. Я видел это по лицу.

— А когда наступает завтра? — спросил я.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Но обычно завтра не наступает никогда. Всегда только сегодня.

Ветер прошелся по воде. Солнце почти исчезло.

— Знаешь, что самое странное?

— Что?

— Люди боятся меняться в старости.

— И правильно делают.

— Но по моим наблюдениям, труднее всего меняются не старики.

— А кто?

— Молодые.

Он усмехнулся.

— Это глупость.

— Почему?

— Потому что молодые могут все.

— Нет.

Я покачал головой.

— Молодые думают, что могут все. Это разные вещи.

Он снова замолчал.

— Старик знает, что его привычки сильны.

— А молодой?

— Молодой уверен, что изменится, когда захочет.

Я поднял с земли камешек и бросил в реку.

— Поэтому он откладывает это на завтра. Потом на следующий год. Потом еще на один.

— И что дальше?

— А дальше однажды обнаруживает, что прожил жизнь человека, которым никогда не собирался становиться или оставаться им.

Андрей долго смотрел на воду.

— Ты говоришь неприятные вещи?

— Только когда они правдивы.

— Откуда ты вообще взялся?

Я улыбнулся.

— Хороший вопрос.

— И?

— Я ищу на него ответ уже много лет.

Впервые за весь разговор он рассмеялся. И я заметил, что злость наконец ушла с его лица. Не потому, что день стал лучше. Не потому, что в сети появилась рыба.

Просто на несколько минут он перестал спорить с жизнью и начал думать о ней.

Он долго смотрел на меня так, будто хотел доказать, что я не прав.

— Ты говоришь странные вещи, — наконец сказал он. — Но это не так.

— Не так?

— Люди меняются. Когда захотят.

Я кивнул.

— Конечно.

— Ты не веришь?

— Верю.

Он оживился.

— Вот. Значит, ты сам понимаешь.

— Я понимаю, что ты в это веришь.

Он нахмурился.

— Это одно и то же.

— Нет?

Я посмотрел на реку. Вода темнела с каждой минутой.

— Скажи, Андрей ты умеешь ходить по воде?

Он усмехнулся.

— При чем тут это?

— Просто ответь.

— Нет, конечно.

— А если очень захочешь?

— Это глупый вопрос.

— Почему?

Он замолчал.

— Потому что это невозможно.

— Вот.

Я посмотрел на него.

— А теперь скажи: изменить себя ты считаешь проще?

Он хотел ответить сразу. Но не ответил. Я продолжил:

— Я видел много людей, которые говорили то же самое, что и ты.

Он нахмурился.

— И что с ними?

— Ничего особенного.

Я пожал плечами.

— Они просто продолжали быть теми, кем были.

— Это не значит, что они не пытались.

— Конечно пытались.

Я кивнул.

— Но пытались так, как человек пытается перестать быть голодным, просто сказав себе: "Я больше не голоден".

Он резко выдохнул.

— Ты сравниваешь это с голодом?

— Почему бы и нет?

Я посмотрел на него.

— Потому что то, что ты называешь "измениться", уже внутри тебя. Это не одежда, которую можно снять.

Он бросил взгляд на сеть, потом снова на меня.

— Тогда что это?

— Это способ смотреть на мир.

Он фыркнул.

— И что, его нельзя поменять?

— Можно.

Я кивнул.

— Но не так, как ты думаешь.

Он наклонился ближе.

— А как?

Я помолчал.

— Тебе придется перестать считать свой взгляд единственно правильным.

Он усмехнулся.

— Это легко.

— Нет.

Я покачал головой.

— Это почти как начать ходить по воде.

Он замер. Смех исчез с его лица.

— Ты опять про это?

— Да.

— Ты специально?

— Нет.

Я вздохнул.

— Просто есть вещи, которые кажутся простыми только пока ты их не попробовал.

Он опустил взгляд. Ветер прошел по берегу.

— Значит, я обречен быть рыбаком?

— Нет.

Я посмотрел на него прямо.

— Ты не обречен.

— Тогда почему ты говоришь так, будто всё уже решено?

— Я не говорю, что решено.

— А что?

— Я говорю, что почти никто не меняется так, как себе обещает. Шансы есть, но они невелики.

Он сжал сеть в руках.

— Это жестоко.

— Возможно.

Я не стал спорить. Он долго молчал. Потом тихо спросил:

— И как ты видишь мою жизнь?

Я не сразу ответил, потому что это был опасный вопрос. Не для него. Для меня.

— Ты будешь возвращаться сюда, — сказал я наконец. — И ловить рыбу. Иногда удачно, иногда нет. Ты будешь злиться на воду и на себя. Потом женишься. У тебя будут дети. И ты будешь говорить им, что жизнь трудная, но честная. Далее – состаришься и умрешь. Или, может даже никогда и не доживешь до старости, например, утонешь, пытаясь наловить больше рыбы.

Он слушал молча.

— И я так проживу? В моей жизни не будет ничего интересного и неожиданного?

— Да.

— И всё?

Я пожал плечами.

— Большинство людей называют это "всё".

Он отвел взгляд. Впервые за вечер в нем появилось что-то другое. Не злость, не упрямство, а сомнение.

— А у тебя иначе?

Я улыбнулся.

— По правде говоря, я даже не знаю, куда иду.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Но ты же не рыбак.

— Нет.

— И не живешь как мы.

— Нет.

— Тогда кто ты?

Я поднялся.

Закат почти догорел.

— Я просто иду, куда глаза глядят, смотрю на людей, изучаю мир.

— Бродяга, значит. Так куда ты идешь, бродяга?

Я посмотрел на темнеющую воду.

— Туда, где меня еще не знают.

Он хотел что-то сказать, но не сказал. А я уже понимал, что он пойдет за мной. И не потому, что его кто-то звал. А потому что впервые за долгое время он увидел, что его жизнь — не единственный возможный путь.

Я уже собирался уходить, когда услышал за спиной:

— Подожди.

Я обернулся. Андрей стоял возле своей сети.

— Что?

Он несколько секунд молчал. Будто сам не понимал, зачем окликнул меня. Потом спросил:

— Можно с тобой?

Я улыбнулся.

— Конечно.

Он явно ожидал другого ответа.

— И всё?

— А что еще?

— Не знаю. Обычно люди начинают задавать вопросы.

— Какие?

— Кто я? Откуда? Что умею?

— Если захочешь, сам расскажешь.

Он недоверчиво покачал головой.

— И ты просто возьмешь меня с собой?

— Возьму.

— Даже если я ничего не умею?

— Рыбу ловить умеешь.

— Это бесполезный навык для странника.

— Не скажи.

Я поправил дорожную сумку.

— Только не жди легкой дороги.

— Почему?

— Потому что это дорога странника. Не везде принимают, не везде привечают.

Я усмехнулся.

— Если бы я знал, куда приду через год, мне было бы намного спокойнее.

— Это должно меня ободрить?

— Нет.

— Хорошо, что ты честно предупреждаешь.

Я рассмеялся. Он посмотрел на сеть. Потом на реку. Потом снова на меня. И вдруг начал складывать снасти. Без спешки, без пафоса, будто принимал решение, которое зрело уже давно.

— А семья?

— Что семья?

— Они будут волноваться.

Он пожал плечами.

— Будут.

— И что ты им скажешь?

— Правду.

— Какую?

Он задумался.

— Что не хочу больше жить так, словно каждый следующий день ничем не отличается от предыдущего.

Я внимательно посмотрел на него. Возможно, именно в эту минуту он и сделал свой выбор. Не тогда, когда попросился идти со мной. Не тогда, когда сложил сеть. А когда впервые произнес это вслух.

Солнце окончательно исчезло за горизонтом.

Стало прохладно.

— До ближайшей деревни далеко? — спросил Андрей.

— Часа два пешком, я полагаю.

— И куда мы идем?

— В сторону Капернаума.

— Что ты там будешь делать?

— Просто так мне захотелось.

Он уставился на меня.

— Ты идешь через пол-Галилеи просто так?

— Пока да.

— Ты точно нормальный человек?

— А кто по-твоему называется нормальным человеком?

Он покачал головой.

— Я уже начинаю жалеть.

— Рано.

Мы пошли по тропинке вдоль берега. Через некоторое время Андрей спросил:

— У тебя хоть еда есть?

Вместо ответа я снял с плеча сумку. Достал лепешку, несколько сушеных фиников и маленький кусок соленой рыбы.

— Немного.

— И ты всё это время молчал?

— Ты не спрашивал.

— Я с утра почти ничего не ел.

— Теперь спрашиваешь.

Мы свернули с дороги и остановились возле группы деревьев. Ночь уже опускалась на землю. Я собрал сухие ветки. Андрей помог разжечь костер.

Некоторое время мы сидели молча. Ели хлеб. Смотрели на огонь. Пламя потрескивало. Где-то в темноте стрекотали насекомые.

— Знаешь, — сказал наконец Андрей, — утром я думал только о том, как поймать рыбу.

— И что теперь?

Он долго смотрел на костер.

— А теперь мне кажется, что сегодня я поймал что-то другое.

— Осторожнее.

— Почему?

— Обычно именно с этой мысли начинаются самые большие неприятности.

И Андрей впервые за вечер рассмеялся по-настоящему.

Мы шли уже больше часа. Ночь окончательно вступила в свои права. Костер давно погас позади, а впереди мерцали редкие огни какой-то деревни. Андрей доедал последний кусок лепешки.

— Не думай, что я иду с тобой навсегда, — сказал он.

— Не думаю.

— Просто провожу немного.

— Хорошо.

— Все равно домой не хочется.

Я усмехнулся.

— Там тебя никто не ждет?

— Ждут.

— Тогда почему не хочется?

Он помолчал.

— Потому что я знаю, что будет дальше.

— И что?

— Завтра отец разбудит меня до рассвета. Потом рыбалка. Потом снова рыбалка. Потом еще одна.

Я кивнул.

— А потом?

— Потом ничего.

Он пнул камень на дороге.

— У нас большая семья. Пять детей. Я младший.

— Пять? Неплохо.

— Неплохо для кого?

— Для твоих родителей.

Он рассмеялся.

— Это точно.

Некоторое время мы шли молча. Потом он сказал:

— Знаешь, что самое обидное?

— Что?

— Я даже не любимый сын. Отец всегда ставил старших выше. Особенно Федора. Он все умеет. Все делает правильно. Все его слушают. Я только и слышу: "Посмотри на Федора. Будь как Федор".

— А ты не хочешь быть как Федор?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро и поэтому искренне. Я улыбнулся.

— Тогда кем ты хочешь быть?

Он задумался.

— Не знаю, но точно не им.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Мы прошли еще несколько десятков шагов. Потом я спросил:

— А кто будет заботиться о родителях, когда они состарятся?

— Старшие братья.

Я покачал головой.

— Нет.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Почему?

— Потому что старшие почти всегда уходят строить свою жизнь.

— И что?

— А младшие остаются.

Он усмехнулся.

— Не в моем случае.

— Ты уверен?

— Конечно.

— Почему?

— Потому что я не собираюсь.

Я рассмеялся.

— Андрей, половина людей на свете живет жизнью, которую не собиралась жить.

Он собирался было возразить, но я продолжил:

— Посмотри сам. Ты младший сын. Ты уже кормишь семью. Твои родители привыкли рассчитывать на тебя. Через несколько лет ты встретишь девушку. Тебе скажут, что сначала нужно помочь семье. Потом скажут, что отец стареет. Потом заболит мать. Потом появятся новые заботы. И однажды ты проснешься сорокалетним мужчиной и поймешь, что так и не нашел времени на собственную жизнь.

Он резко остановился.

— Хватит.

Я тоже остановился.

— Что?

— Хватит говорить так, будто все уже решено.

— А разве нет?

— Нет!

В его голосе появилась злость. Настоящая.

— Я не собираюсь жить с родителями до старости.

— Хорошо.

— Я не собираюсь всю жизнь ловить рыбу.

— Хорошо.

— Я добьюсь большего.

Я внимательно посмотрел на него.

— Чего именно?

Он открыл рот и не смог ответить. Потому что не знал.

Мы стояли посреди дороги. Вокруг стрекотали ночные насекомые. Где-то вдали лаяла собака.

— Вот видишь, — сказал я тихо.

— Что?

— Ты знаешь, от чего бежишь. Но еще не знаешь, к чему идешь.

Он долго молчал. Потом спросил:

— А ты знаешь?

Я улыбнулся.

— Нет.

— Тогда почему идешь?

— Потому что иногда лучше искать дорогу, чем всю жизнь стоять на месте.

Он посмотрел вперед. На темные холмы. На огни деревни. Потом снова на меня.

— Ладно.

— Что ладно?

— Провожу тебя до Капернаума.

— Только до Капернаума?

Он усмехнулся.

— Пока да.

Но по его голосу я уже понимал, что он врет. Не мне.

Себе.

До деревни мы добрались уже глубокой ночью. Последние несколько верст шли молча. Я видел, что Андрей устал. Ноги у него заплетались, а разговоры закончились еще час назад. В темноте показались первые огни. Несколько домов. Сарай. Колодец. Собаки, которые тут же подняли лай.

— И это твой Капернаум? — проворчал Андрей.

— Нет. До него еще далеко.

— Тогда зачем мы сюда пришли?

— Потому что ночь.

— Хорошая причина.

Мы свернули к одному из домов. Я подошел к двери и постучал. Андрей посмотрел на меня с сомнением.

— Ты уверен, что здесь нас ждут?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, что откроют?

— Не знаю.

Он закатил глаза.

— Когда-нибудь я привыкну к твоим ответам.

— Не советую.

За дверью послышались шаги. Затем скрипнул засов. На пороге появился седой мужчина. Некоторое время он вглядывался в темноту. Потом его лицо расплылось в улыбке.

— Иешуа!

— Доброй ночи, Симон.

— Я уж думал, тебя волки съели.

— Волки оказались осторожнее.

Старик рассмеялся. По-настоящему. Как смеются старым друзьям. Потом перевел взгляд на Андрея.

— А это кто?

— Андрей.

— Еще один бродяга?

— Пока нет.

— Значит, есть надежда.

Они оба рассмеялись. Андрей стоял рядом и ничего не понимал. Старик распахнул дверь шире.

— Заходите уже. На улице холодно.

Внутри пахло хлебом и дымом. В углу горела лампа. За столом сидела пожилая женщина. Она подняла голову.

— Это опять ты?

— Боюсь, что да.

— Никакого стыда у человека.

— Мне уже говорили.

Она покачала головой, но улыбнулась. Так улыбаются родственнику, который давно стал частью семьи.

— Садитесь. Осталось немного похлебки.

Андрей удивленно посмотрел на меня.

— Вы знакомы?

— Лет десять, наверное, — ответил старик.

— Одиннадцать, — поправила жена.

— Вот видишь, она считает лучше меня.

Через несколько минут перед нами уже стояли миски с горячей едой. Андрей ел молча, но внутри его головы явно велась напряженная беседа. Я знал этот взгляд. Он наблюдал, сравнивал. Пытался понять. Наконец он не выдержал.

— Вы родственники?

Старик едва не поперхнулся.

— Мы?

— Нет.

— Тогда почему пустили нас среди ночи?

— Потому что это Иешуа.

Будто это что-то объясняло. Андрей нахмурился.

— И что?

Старик посмотрел на меня. Потом снова на него.

— Несколько лет назад умер мой сын.

Андрей замолчал.

— После этого я почти ни с кем не разговаривал. Да и жить особенно не хотел.

Старик покрутил ложку в руках.

— А потом однажды вечером пришел этот бродяга.

Я усмехнулся.

— И что?

— Сначала съел мой ужин.

— Важная часть истории.

— Потом полночи сидел во дворе и слушал, как я жалуясь на жизнь.

Женщина улыбнулась.

— А под утро наш отец впервые за много месяцев рассмеялся.

Старик кивнул.

— Вот с тех пор и приходит время от времени.

В комнате повисла тишина. Андрей смотрел то на меня, то на хозяев дома. Будто видел что-то впервые. Не чудо и не волшебство. Что-то другое, куда более странное.

Наконец старик поднялся.

— Ладно. Спать пора. Завтра поговорим о смысле жизни. Сегодня уже поздно.

Он отвел нас в сарай, где на полу лежали тюфяки. Когда дверь закрылась, Андрей еще долго не ложился. Сидел в темноте.

— Что? — спросил я.

— Ничего.

— Врешь.

Он помолчал.

— Я просто не понимаю.

— Чего именно?

— Ты не богат. Не чиновник, не жрец. У тебя нет дома. Нет земли, нет мастерской. Нет даже лодки, как у меня.

— Это правда.

— Тогда почему люди тебе помогают?

Я улыбнулся в темноте.

— Не знаю.

— Опять.

— Может быть, потому что когда-то помогли мне.

Он долго молчал. Потом лег на свой тюфяк.

— Станный ты человек.

— Мне уже говорили.

Через несколько минут его дыхание стало ровным. Он уснул. Я еще долго смотрел в темноту. Тогда я еще не знал, что этот день Андрей будет вспоминать до конца своей жизни. Не потому, что встретил меня. А потому, что впервые увидел человека, который жил совсем не так, как все вокруг. И при этом не казался ни несчастным, ни потерянным. Скорее наоборот.

Словно именно он один и знал дорогу.

Глава 1. Начало пути.

Утром нас разбудил запах свежего хлеба. Хозяева уже не спали. Старик возился во дворе. Его жена что-то готовила возле очага. Андрей вышел наружу раньше меня. Когда я появился, он уже разговаривал с высоким молодым мужчиной. Тот сидел на заборе и жевал яблоко.

— А вот и он, — сказал Андрей.

— Кто?

— Тот самый мудрец, о котором я говорил.

Молодой человек смерил меня взглядом.

— Этот?

— Этот.

— Выглядит обычно.

— Я тоже так подумал.

— И не ошибся.

Я улыбнулся. Молодой человек нахмурился. Кажется, он рассчитывал задеть меня сильнее.

— Симон, — представился он.

— Иешуа.

— Знаю.

— Откуда?

— Андрей про тебя рассказал.

Он спрыгнул с забора.

— Решил посмотреть лично.

— И как?

— Пока не впечатлен.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Да.

— Обычно люди пытаются меня переубедить.

— Зачем?

Он на секунду растерялся.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

Андрей тихо рассмеялся. Симон бросил на него недовольный взгляд.

— Ты всегда такой?

— Какой?

— У тебя вид, такой, будто понимаешь больше остальных.

— Нет.

— А выглядит именно так.

— Это потому, что люди любят додумывать.

— Например?

— Например, сейчас ты решил, что я обиделся.

— А ты не обиделся?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты не сказал ничего обидного. Да и что такое обида? Обида – это прежде всего непонимание. А я тебе прекрасно понимаю.

Симон посмотрел на Андрея.

— Он издевается надо мной?

— Не знаю. Может быть.

— Уже не нравится.

Мы вышли на дорогу. Симон пошел рядом. Поначалу я думал, что он скоро свернет домой. Но он продолжал идти. Через час тоже. Через два — тоже. Наконец я спросил:

— Ты куда-то направляешься?

— Пока с вами.

— Зачем?

— Любопытно.

— Хорошая причина. Ладно, пойдем, вместе веселее.

— Не обольщайся.

Он усмехнулся.

— Я все еще думаю, что ты обычный бродяга.

— Да, ты можешь так думать, - разрешил я, немного посмеиваясь.

— Тогда почему люди тебя слушают?

— Не знаю.

— А я думаю, знаешь.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Андрей снова рассмеялся.

— Прекрати ржать, — проворчал Симон.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что впервые вижу человека, который спорит с тобой лучше тебя самого.

Некоторое время мы шли молча. Потом Симон вдруг спросил:

— А кто был твоим отцом?

— Не знаю.

— Как это?

— Меня вырастил плотник.

— А настоящий?

— Не помню.

Симон ухмыльнулся.

— Так ты что, от Святого Духа появился?

Он явно ожидал смеха. Андрей даже поперхнулся водой. Я задумался.

— А почему бы и нет?

На этот раз засмеялся уже Симон.

— Отличный ответ.

— Ты задал странный вопрос.

— А ты дал странный ответ.

— Значит, мы квиты.

Некоторое время он шел молча. Потом покачал головой.

— Знаешь, что мне в тебе не нравится?

— Что?

— Ты никогда не споришь там, где другие начали бы спорить.

— Потому что люди редко меняют мнение во время спора.

— Тогда, когда меняют?

Я посмотрел на дорогу впереди.

— Когда начинают задавать себе вопросы.

Симон хотел ответить что-то колкое. Но почему-то промолчал. И впервые за все утро задумался.

— Слушай, а ты вообще умеешь обижаться?

Я посмотрел на Симона.

— Конечно.

— Что-то не похоже.

— Почему?

— Потому что я с самого утра над тобой издеваюсь.

— Не преувеличивай.

— Хорошо. Подшучиваю.

— Так лучше.

— Но ты даже не злишься.

— А должен?

— Обычно люди злятся.

Я некоторое время шел молча. Потом спросил:

— А зачем?

— Что зачем?

— Злиться.

— Потому что их обидели.

— Нет.

— В смысле нет?

— Обида и злость — разные вещи.

Симон нахмурился.

— Объясни.

— Если человек наступил тебе на ногу случайно, ты можешь обидеться?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он не хотел.

— Значит, дело не в поступке.

— А в чем?

— В том, что мы решаем, что нас хотели задеть.

Симон задумался.

— Допустим.

— А потом появляется обида.

— И что?

— А потом появляется желание ответить.

— Ну да.

— И тогда зло начинает размножаться.

Он усмехнулся.

— Размножаться?

— Конечно.

— Как овцы?

— Хуже.

Андрей рассмеялся. Я продолжил:

— Один человек злится на другого. Другой злится в ответ. Потом первый злится еще сильнее. Потом второй. И вот уже два человека уверены, что виноват кто-то другой. И даже бывает, что человек, которого разозлили не может ответить, тогда он пойдет, и наполненный гневом заденет кого-то еще третьего, а тот, не понимая настоящей причины — еще и четвертого. И так далее по цепочке. Вот так зло рождает еще большее зло. И изначальная причина — часто непонимание и приписывание другому несуществующих мотивов.

- Такое бывает.
- Постоянно.
- И что делать?
- Часто лучше вообще не отвечать никак.
- Отличный совет.
- Чтобы зло остановить, достаточно просто не продолжать.
- То есть терпеть?
- Нет. Терпеть, это когда ты не понимаешь причины происходящего, но временно смиряешься с этим непониманием. Хотя и это иногда помогает избежать большой драки.
- Тогда что?
- Я поднял с дороги маленький камень и бросил его в сторону.
- Хорошо, допустим я тебя обозвал.
- Допустим.
- И ты не обиделся.
- Пока нет.
- Почему?
- Потому что это твои слова.
- Симон усмехнулся.
- А если я скажу что-нибудь действительно неприятное?
- Тогда это все еще будут твои слова.
- Но они тебя заденут.
- Возможно.
- Тогда ты разозлишься.
- Не обязательно.
- Почему?
- Я посмотрел на него.
- Потому что злость похожа на угли.
- Угли?
- Да.
- Не понял.
- Если ты хочешь бросить в меня горящий уголек, кому придется держать его первым?
- Симон задумался.
- Мне.
- Именно.
- И что?
- Чаще всего люди обжигают себя раньше, чем другого.
- Он несколько секунд молчал. Потом усмехнулся:
- Красиво сказано.
- И довольно часто правда.
- Значит, ты никогда не злишься?
- Злюсь.
- Но?
- Стараюсь не передавать дальше то, что получил сам.
- Почему?
- Потому что зло очень любит путешествовать.
- Опять ты про это.
- Потому что это правда.
- Я посмотрел на дорогу.

— Один человек приходит домой злым. Кричит на жену. Жена кричит на ребенка. Ребенок пинает собаку. А собака кусает соседа. И каждый уверен, что виноват кто-то другой. На этот раз даже Андрей улыбнулся.

— Бедная собака.

— Вот именно.

— И что делать?

— Иногда достаточно, чтобы кто-то один остановился.

— То есть промолчал?

— Нет.

— Тогда что?

— Не позволил чужой злости поселиться внутри себя.

Я посмотрел на него.

— Если человек ударил тебя из злости, чего он ждет?

— Что я ударю в ответ.

— Именно.

— И?

— Тогда его злость получит подтверждение.

— Какое?

— Что мир такой же злой, как он сам.

— Но ты предлагаешь чушь! Это звучит, как если тебя ударят по одной щеке, то вместо ответа, надо подставить другую?

— Ну не настолько же буквально, - тут засмеялся я удачному сравнению.

— Настолько, - настаивал Симон.

Я не стал ничего отвечать. Так некоторое время мы и шли молча. Потом Симон не утерпел и все-таки спросил:

— А если не ударить?

— Тогда его злость останется только его злостью.

— И все?

— Иногда этого достаточно.

— А если он на этом не успокоится?

— Тогда придется защищаться.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Вот как?

— А ты думал, я предлагаю позволить всем себя избивать?

— Немного похоже.

Я усмехнулся.

— Нет, Симон. Защищать себя можно. Ненавидеть — необязательно.

Он долго молчал. Потом спросил:

— И ты правда так живешь?

— Стараюсь.

— И получается?

— Не всегда.

— А я уж подумал, ты особенный.

— Нет.

— Тогда зачем пытаться?

Я посмотрел на дорогу впереди.

— Потому что зло любит путешествовать от человека к человеку.

— И что?

— Кто-то должен однажды сказать ему: дальше не пойдешь.

На этот раз не засмеялся ни Андрей, ни Симон. Они оба шли молча. Очевидно было, что речь что-то затронула и вызвала интенсивные размышления.

Каждый вспоминал кого-то своего.

Пока мы шли и порядком подустали между моими спутниками разгорелся спор. Он вывел меня из задумчивости, и я остановился, чтобы посмотреть, что происходит.

— Да он тебя просто заболтал! — крикнул Симон.

— Лучше быть заболтанным, чем всю жизнь думать только о рыбе!

— А чем еще думать?

— Хоть чем-нибудь!

— Например?

— Например, собственной жизнью!

— Моя жизнь меня устраивает!

— Тогда почему ты уже второй день идешь с нами?

Симон шагнул вперед.

— Потому что интересно!

— Врешь!

— Что?!

— Врешь!

Толчок получился сам собой. Андрей толкнул первым. Симон толкнул в ответ. Через мгновение оба уже катались по земле, поднимая пыль. Ослы на соседнем поле испуганно шарахнулись в сторону. Я остановился и сел на камень у дороги. Через некоторое время Андрей заметил это.

— Ты что делаешь?!

— Сажу.

— Мы тут деремся!

— Я вижу.

Симон попытался удержать Андрея за плечо.

— Помоги лучше!

— Зачем?

Оба на секунду замерли.

— Затем!

— А что изменится?

— В смысле?

— Вы перестанете злиться?

Никто не ответил. Борьба продолжилась еще несколько секунд, потом Андрей вырвался.

Симон поднялся.

— Продолжайте. – подбодрил я их.

Они переглянулись.

— Продолжать?

— Конечно.

— Зачем?

— Теперь мне интересно, чем закончится.

Симон нахмурился.

— Тем, что я ему врежу.

— Хорошо.

— Потом он мне.

— Тоже хорошо.

— Потом кто-нибудь победит.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы оба проиграете.

На несколько секунд повисла тишина.

— Это еще почему?

— Потому что каждый из вас уже забыл, из-за чего начал.

Они переглянулись. И почти одновременно поняли, что я прав.

— Он назвал тебя дураком? — спросил я у Андрея.

— Нет.

— Тогда что?

— Ничего.

— А тебя он ударил первым?

— Нет.

Я повернулся к Симону.

— А ты?

— Что я?

— Ты помнишь, почему разозлился?

Он открыл рот и не смог ответить, потому что не помнил.

— Вот видите.

Я пожал плечами.

— Зло вообще довольно глупое. Оно редко помнит, зачем пришло.

Оба тяжело дышали. Я по-прежнему сидел на камне.

— Посмотрите на себя. — продолжал я. — Пять минут назад вы были друзьями. Теперь готовы друг другу носы ломать. Что изменилось? Мир? Нет. Только мысли в ваших головах. И вот так начинаются войны. Сначала человек думает, что защищает свою гордость. Потом деревню. Потом город. Потом народ. А в конце уже никто не помнит, кто был обижен первым.

Андрей и Симон молчали некоторое время, переваривая услышанное.

— Ну? — спросил я спустя некоторое время.

— Что ну? — спросил Симон.

— Полегчало?

Они молчали.

— Стало легче?

— Нет, - ответил Андрей.

— Ты убедил его?

— Нет.

— А ты?

Симон отвернулся.

— Тоже нет.

Я кивнул.

— Тогда зачем вы это делали?

— Потому что он меня разозлил.

— А он?

— Потому что этот осел меня разозлил!

— Хорошо.

Я со вздохом поднялся и посмотрел на них.

— Гнев похож на пожар. Сначала человек разводит его, чтобы согреться. А потом уже сам не понимает, почему вокруг все горит.

Некоторое время никто не говорил. Потом Симон сплюнул пыль.

— Знаешь, что самое неприятное?

— Что?
— Похоже, ты опять прав.
— Это не самое неприятное.
— А что?
— То, что завтра вы снова поссоритесь.
На этот раз рассмеялся даже Андрей.

Вот здесь я бы не торопился и дал героям немного пройтись после драки. Пусть пыль уже осела, синяков почти нет, а разговор сам собой вернулся к тому, что только что произошло.

Некоторое время мы шли молча.
Симон потирал ушибленное плечо.
Андрей время от времени бросал на него косые взгляды.
Похоже, оба уже жалели о драке, но никто не собирался признаваться первым.
Наконец Симон нарушил молчание.

— Ладно.
— Что ладно?
— Допустим, ты прав.
— В чем именно?
— В том, что драка была глупой.
— Это несложно заметить.
— Не перебивай.
Я улыбнулся.
— Продолжай.
— Если все так просто, почему никто об этом не говорит?
— О чем?
— О том, что злость порождает новую злость.
Я пожал плечами.
— Говорят.
— Кто?
— Матери своим детям.
— Не считается.
— Почему?
— Потому что матери говорят много всякого.
— А отцы?
— Еще больше.
Андрей тихо хмыкнул.
Симон покачал головой.
— Нет, серьезно. Если это такая важная вещь, почему жрецы не учат этому каждый день?
— Они учат другому.
— Чему?
— Законам.
— А правители?
— Правители думают о власти.
— Богачи?
— О деньгах.
— Рыбаки?
— О рыбе.
— А ты?
Я посмотрел вперед.

Дорога уходила за холм.

Над ней кружила одинокая птица.

— Я много ходил.

— И что?

— Когда человек долго идет один, ему становится скучно думать о других.

— А о чем он думает?

— О себе.

Симон усмехнулся.

— Это называется эгоизм.

— Сначала да.

— А потом?

— Потом понимаешь, что устроен примерно так же, как все остальные люди.

Он задумался.

— И поэтому ты понимаешь, что чувствуют другие?

— Иногда.

— И все?

— Иногда этого достаточно.

Симон некоторое время молчал.

Потом спросил:

— А как ты вообще до этого дошел?

— До чего?

— До всех этих мыслей.

— Я наблюдал.

— За людьми?

— За собой.

Симон рассмеялся.

— Отлично. Значит, ты просто много думал о себе.

— Конечно.

— И не стыдно?

— А почему должно быть?

— Потому что это самолюбование.

— Нет.

— А что?

— Исследование.

Он нахмурился.

— Не понял.

— Когда ты хочешь понять реку, ты наблюдаешь за рекой.

— Логично.

— Когда хочешь понять овцу, наблюдаешь за овцой.

— С этим тоже трудно поспорить.

— А когда хочешь понять человека?

Симон замолчал.

— За человеком?

— Именно.

— Но ты наблюдал за собой.

— Потому что себя легче всего увидеть.

— И что ты увидел?

Я немного подумал.

— Что люди очень похожи друг на друга.

- Не сказал бы.
- Правда?
- Конечно.
- Ты хочешь есть?
- Сейчас нет.
- А утром хотел.
- Хотел.
- Андрей тоже хотел.
- И что?
- Ты боишься боли?
- Как и любой человек.
- Андрей тоже.
- Допустим.
- Ты хочешь, чтобы тебя уважали?

Симон поморщился.

- Ну...
- Хочешь.
- Возможно.
- Андрей тоже.

Я посмотрел на обоих.

— Большая часть того, что вы считаете своей уникальностью, встречается почти у каждого человека.

- Звучит обидно.
- Зато полезно.
- Почему?
- Потому что тогда начинаешь понимать других.

Некоторое время слышались только шаги.

Потом Симон спросил:

- Хорошо. Допустим, я понял. Но как перестать злиться?
- А зачем переставать?

Он удивленно посмотрел на меня.

- Ты же сам только что говорил...
- Я говорил не это.
- Тогда что?
- Что не нужно позволять злости управлять тобой.
- Разница есть?
- Огромная.
- Объясни.
- Когда ты разозлился на Андрея, ты выбирал злиться?

- Нет.
- Конечно нет.
- Тогда что я мог сделать?

- Замечать.
- Что замечать?
- Сам момент.
- Какой момент?
- Когда злость только появляется.

Симон фыркнул.

- И что это даст?

- Очень много.
- Например?
- Ты увидишь, что между чувством и поступком есть небольшое пространство.
- Пространство?
- Да.
- И что?
- В нем ты свободен.

На этот раз даже Андрей поднял голову.

- Не понял.
- Злость приходит сама.
- Страх приходит сам.
- Обида приходит сама.
- А что приходит не само?
- Решение.

Мы продолжали идти.

- Ты не можешь запретить себе почувствовать гнев.
- Тогда какой смысл?
- Но ты можешь решить, что делать дальше.
- И это так просто?
- Нет.
- Тогда почему ты говоришь так спокойно?

Я улыбнулся.

- Потому что это трудно.
- Очень смешно.
- А кто обещал, что будет легко?

Симон вздохнул.

- Иногда мне кажется, что ты знаешь ответы на все вопросы.
- Нет.
- Тогда почему твои ответы звучат так уверенно?

Я посмотрел на него.

- Потому что большинство из них я нашел на собственных ошибках.

В этот раз никто не засмеялся. Потому что впервые за весь разговор я не прозвучал как мудрец. Я прозвучал как человек. И именно это почему-то убеждало сильнее всего.

Мы остановились на отдых, развели костер. Огонь потрескивал. Симон ковырял палкой угли. Андрей доедал остатки лепешки. Я смотрел на пламя.

- Знаете, что меня всегда удивляло?
- Что? — спросил Андрей.
- Люди очень любят давать советы.
- А что в этом плохого?
- Ничего.
- Тогда почему удивляет?
- Потому что советы редко помогают.

Симон усмехнулся.

- Ты сейчас оставишь без работы половину мудрецов.
- Возможно.
- И почему не помогают?
- Потому что люди путают понимание и изменение.
- Не вижу разницы.

- Конечно не видишь.
Симон бросил в костер веточку.
- Объясни.
- Хорошо.
- Я посмотрел на него.
- Ты знаешь, что злиться плохо?
- Знаю.
- А перестал злиться?
- Нет.
- Вот и ответ.
- Андрей улыбнулся, а Симон нахмурился.
- Это нечестно.
- Почему?
- Потому что некоторые вещи трудно изменить.
- Именно.
- Некоторое время слышно было только потрескивание дров. Потом я продолжил:
- Люди думают, что поступают так, как решили.
- А разве нет?
- Не всегда.
- Тогда почему?
- Я подобрал веточку и начал рисовать на земле круги.
- Представь телегу.
- Представил.
- Она каждый день ездит по одной и той же дороге.
- И что?
- Со временем колеса оставляют глубокую колею.
- Ну да.
- Потом идет дождь. Потом еще один. Потом еще.
- И?
- И телеге уже трудно ехать в другую сторону.
- Симон задумался.
- Ты хочешь сказать, что люди похожи на телеги?
- Немного.
- Обидное сравнение.
- Зато полезное.
- Андрей тихо засмеялся.
- Каждый раз, когда ты одинаково реагируешь на что-то, ты оставляешь колею внутри себя.
- Какую еще колею?
- Привычку.
- Например?
- Тебя оскорбили. Ты разозлился. Разозлился — накричал. Накричал — стало легче. Тело запоминает реакцию. В следующий раз повторит то же самое.
- А если я буду себя контролировать?
- Тут есть варианты. Может быть получится. Может быть не сразу. А может и вовсе не получится.
- Почему так?
- Это зависит оттого, насколько старая колея глубока.
- Симон нахмурился.

— Значит, человек вообще не может измениться?

— Может.

— Но ты только что сказал...

— Я сказал, что это трудно.

Я посмотрел на огонь.

— Очень трудно.

Некоторое время никто не говорил. Потом Андрей спросил:

— И что делать?

— Ничего.

Симон расхохотался.

— Великолепный совет.

— Я серьезно.

— Нет, правда?

— Да.

— Когда тебя захлестывает злость?

— Да.

— Когда хочется ответить?

— Да.

— Когда внутри все кипит?

— Именно тогда.

— И что делать?

— Ничего. Не делать ничего – это тоже действие. Только другое, не то, к которому мы привыкли.

Оба смотрели на меня так, словно я окончательно сошел с ума. Я улыбнулся.

— Вот поэтому большинство людей меня не понимает.

— И не надейся, что сейчас пойдем.

— Когда приходит сильное чувство, люди сразу начинают действовать.

— Конечно.

— А я предлагаю сначала остановиться.

— И стоять как дурак?

— Как скала.

Симон закатил глаза.

— Опять красивые слова.

— Представь море.

— Представил.

— Волны бьются о скалу.

— И?

— Скала не дерется с волнами.

— Потому что она скала.

— Именно.

— Не вижу связи.

— Чувство похоже на волну. Оно приходит. Нарастает. Шумит. Требуется что-то сделать.

А потом уходит.

Андрей задумался.

— Само?

— Почти всегда.

— Не верю.

— Потому что ты привык помогать ему оставаться.

— Как это?

— Ты начинаешь спорить с ним. Подкармливать его мыслями. Вспоминать обиду. Придумывать ответ. Разжигать его.

— И тогда оно становится сильнее?

— Конечно.

Я кивнул на костер.

— Если не подбрасывать дрова, что произойдет с огнем?

— Потухнет.

— Именно.

Наступила тишина, довольно долгая. Наконец Симон покачал головой.

— Нет.

— Что нет?

— Не понимаю.

— Я знаю.

— Тогда зачем рассказываешь?

Я улыбнулся.

— Потому что однажды поймешь.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что вы оба уже начали наблюдать за собой.

Они переглянулись. И по их лицам было видно: нет, не начали. Во всяком случае, сами они так не считали. И тогда я понял то, что потом буду понимать еще много раз. Сказать человеку истину мало. Услышать ее мало. Даже согласиться мало. Каждый должен однажды увидеть ее внутри себя.

За другого этого сделать нельзя.

Той ночью Андрей и Симон уснули быстро. Я еще долго сидел возле догорающего костра. Пламя почти погасло. Над головой висели звезды. И почему-то вспомнился день, когда я впервые ушел из дома.

Тогда мне казалось, что весь мир находится где-то за горизонтом. А жизнь, которую для меня приготовили другие, проходит здесь. Без меня. Мой приемный отец хотел, чтобы я стал плотником. Он был хорошим человеком. Честным. Трудолюбивым. Но каждый раз, когда я брал в руки инструмент, мне казалось, что я строю чужую жизнь. Не свою.

Однажды утром я увидел караван. Он направлялся через пустыню. Я спросил, нужен ли им лишний человек. Они сказали:

— Если умеешь работать.

Я ответил:

— Научусь.

Так началось мое первое путешествие. Поначалу мне казалось, что знание ждет меня за следующим холмом. Потом за следующим городом. Потом еще дальше. В каждом месте находился человек, который утверждал, что знает истину. Я слушал их всех. Одни говорили, что счастье приходит через богатство. Другие — через отказ от него. Одни учили поститься. Другие устраивали пиры. Одни восхваляли молитвы. Другие - молчание.

Я пробовал почти все. Неделями жил среди аскетов. Голодал. Медитировал. Учил дыхательные упражнения у старика, который утверждал, что человек дышит слишком быстро и потому не замечает жизнь. Несколько месяцев провел среди людей, считавших, что страдание очищает душу. Страдать у них получалось превосходно. С душой было сложнее.

Потом встретил философа, который мог часами рассуждать о природе мира, но почему-то постоянно ругался со своими слугами. Тогда я впервые задумался, что знание и мудрость — не одно и то же.

Годы шли. Я научился спать под открытым небом. Научился находить воду там, где другие проходили мимо. Научился понимать, когда человек говорит правду, а когда пытается убедить в ней самого себя. Самое главное — я научился слушать. Не отвечать. Не спорить. Слушать. И постепенно заметил странную вещь. Люди везде были разными. Но их страхи были одинаковыми. И желания тоже. Все хотели любви. Все боялись смерти. Все надеялись, что их жизнь имеет смысл. Даже если говорили об этом разными словами.

Спустя много лет я решил вернуться домой. Мне казалось, что теперь я наконец понял что-то важное. Хотел увидеть родителей. Поблагодарить их. Хотел рассказать о своих путешествиях. Но когда я пришел в родные места, оказалось, что дом пуст. Соседи сказали, что они давно уехали. Куда именно — никто не знал. Я еще несколько дней

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.